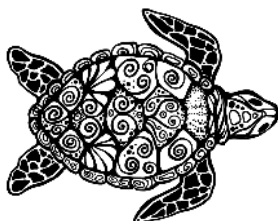

ДЖОН ГРИН

ЧЕРЕПАХИ —
И НЕТ ИМ КОНЦА

Издательство АСТ
Москва

Посвящается Генри и Элис

Человек может делать то, что
он желает, но не может желать,
что ему желать.

Артур Шопенгауэр

Глава 1

Мысль о том, что меня могли выдумать, впервые пришла мне в голову, когда я проводила дни в общественном заведении под названием школа «Уайт-Ривер», на севере Индианаполиса. Мне приходилось обедать строго с двенадцати тридцати семи до четырнадцати минут второго, и силы, установившие такой порядок, были настолько велики, что я не имела о них даже отдаленного представления. Если бы эти силы изменили время обеда или соседи по столу, помогавшие писать мою судьбу, в тот сентябрьский день выбрали иную тему для разговора, меня ждал бы совсем другой конец или, по крайней мере, другая середина. Однако я уже тогда начала понимать, что жизнь — это история, рассказанная не тобой, а о тебе.

Конечно, ты притворяешься автором. У тебя нет выхода. Когда в тридцать семь минут первого с высоты раздается протяжный сигнал, ты принимаешь решение: *Пойду обедать*. На самом же деле за тебя решает звонок. Ты считаешь себя художником, но ты — холст.

В столовой гудели, перекрывая друг друга, сотни голосов, они слились в один звук, похожий на шум реки, бегущей по камням. Флуоресцентные трубки извергали с потолка агрессивный искусственный свет, а я сидела под ними и думала: все считают себя героями собственного эпоса, но в реальности мы — практически идентичные организмы, которые образовали колонию в просторном помещении без окон, пропахшем моюшей жидкостью и жиром.

Я жевала сэндвич с арахисовой пастой и медом и пила «Доктор Пеппер». Если честно, процесс измельчения растений и животных с последующей отправкой их вниз по пищеводу кажется мне довольно отвратительным, поэтому я старалась не думать о том, что ем, а значит, в каком-то смысле все-таки об этом думала.

Напротив меня сидел Майкл Тернер и царапал что-то на желтых страницах блокнотика. Наш стол — как старая бродвейская пьеса: состав актеров год от года меняется, но герои — никогда. Майкл был Эстетом. Он разговаривал с Дейзи Рамирес, с первого класса исполнявшей роль моей Бесстрашной Лучшей Подруги, однако из-за шума я не слышала, о чем у них речь. Кого же играла я сама? Компаньонку. Подругу Дейзи, или Дочку миссис Холмс. Я была чьим-то кем-то.

Желудок заработал, и даже сквозь шум я слышала, как он переваривает сэндвич, как бактерии жуют слизь арахисовой пасты — будто школьницы, обедающие в моей внутренней столовой. Я содрогнулась.

— Ты ездила с ним в лагерь? — спросила у меня Дейзи.

— С кем?

— С Дэвисом Пикетом.

— Ездила. Ну и что?

— Ты нас вообще не слушаешь?

Я слушаю, подумала я, *какофонию своего пищеварительного тракта*. Конечно, я давно знаю, что являюсь вместилищем множества паразитических организмов, но не люблю об этом вспоминать. Наше тело примерно на пятьдесят процентов состоит из микробов, значит, половина клеток, тебя образующих, — совсем не твои. В моей биосистеме в тысячу раз больше микробов, чем людей на земле, и мне часто кажется, что я их *чувствую* — как они живут, размножаются и умирают во мне и на мне. Я вытерла вспотевшие ладони о джинсы и постаралась дышать ровнее. Признаю, человек я довольно нервный, но если ты — обернутая в кожу колония бактерий, тут есть о чем поволноваться.

Майкл сказал:

— Его отца хотели арестовать за взятку или типа того, однако ночью, как раз накануне, тот пропал. За сведения о нем предлагают награду — сто тысяч долларов.

— А ты знаешь сына, — объяснила Дейзи.

— *Когда-то* знала.

Я смотрела, как она атакует вилкой прямоугольный кусочек пиццы и стручки зеленой фасоли. Дейзи то и дело поглядывала на меня, широко раскрывая глаза, будто говорила: *Ну?* Ей хотелось,

чтобы я спросила о чем-то, но я не понимала — о чем, потому что желудок никак не мог заткнуться, и это меня тревожило: что, если я подхватила паразитов?

Майкл рассказывал Дейзи о своем новом арт-проекте: он взял лица ста мужчин по имени Майкл и с помощью «Фотошопа» создал из них усредненного сто первого. Было интересно, однако вокруг стоял ужасный гвалт, а я все еще не могла остановиться — думала, вдруг во мне нарушилось равновесие микробных сил?

Шумы в кишечнике — редкий, но известный медицине симптом заражения бактериями *Clostridium difficile*, которое может привести к летальному исходу. Я вытащила телефон и стала перечитывать статью в «Википедии», посвященную триллионам живущих во мне микробов. Я щелкнула по разделу *C. diff*, пролистала до параграфа, где писали, что чаще всего клостридиями заражаются в больницах. Добралась до списка симптомов, из которых не нашла у себя ничего, кроме шумов в брюшной полости — но ведь в Кливлендской клинике был случай, когда умерла пациентка с одной только болью в кишечнике и жаром. Я напредила себе, что жара у меня нет, и «Я» ответило: *ПОКА что нет.*

В столовой, где еще оставался тающий кусочек моего сознания, Дейзи объясняла, что проект нужно посвятить не людям по имени Майкл, а заключенным, которых позже оправдали.

— Так проще, — пояснила она, — потому что у них всех есть снимки с одного ракурса, и это бу-

дет проект не просто об одинаковых именах, а еще о расе, социальном статусе и массовых арестах.

— Да ты же гений, Дейзи! — ответил Майкл.

— А что тебя удивляет?

Тем временем я думала о том, что, если половина твоих клеток — не ты, разве это не ставит под вопрос само понятие «тебя» в единственном числе, не говоря уже об авторстве собственной судьбы? Я довольно долго падала в эту рекурсивную кротовую нору, пока она не перенесла меня из школы «Уайт-Ривер» в совершенно иное место за пределами ощущений, куда попадают лишь по-настоящему чокнутые люди.

У меня с детства привычка вдавливать ноготь большого пальца правой руки в подушечку среднего — вот откуда на нем такая странная болячка. В ней теперь легко появляется трещина, и я ношу пластырь, чтобы не попала инфекция. Однако иногда мне кажется, что инфекция уже там, ее нужно удалить, а значит — выдавить кровь. Стоит представить, как я вскрываю рану, и я уже не могу не сделать этого. Простите за двойное «не», просто и сама ситуация — двойное «не» в действии. Как западня, из которой один только выход — отрицать отрицание. Так или иначе, я захотела почувствовать, как ноготь вонзается в кожу, и знала, что сопротивление бесполезно. Под столом я отлепила пластырь и ковыряла болячку, пока она не треснула.

— Холмси, — сказала моя подруга, и я подняла взгляд. — Уже конец обеда, а ты так ничего и не заметила.

Она тряхнула шевелюрой, в которой горели ярко-ярко-розовые пряди. Точно, она же покрасила волосы!

Я вынырнула из глубин и ответила:

— Дерзко.

— Знаю. Это мое послание: леди и джентльмены, а также те, кто не относит себя ни к тем, ни к другим! Дейзи Рамирес сдержит свое слово, но разобьет ваше сердце.

Такой вот девиз — «Держи слово, разбивай сердца» — она себе придумала и постоянно угрожала сделать на лодыжке татуировку с ним, когда ей исполнится восемнадцать. Дейзи вернулась к Майклу, а я — к своим мыслям. Живот, кажется, стал урчать еще громче. Меня затошнило. Учитывая, как мне противны физиологические жидкости, со мной такое происходит слишком уж часто.

— Холмси, все в порядке? — спросила Дейзи.

Я кивнула. Иногда я задавалась вопросом: почему она меня любит или вообще терпит? Как со мной мирятся остальные? Я даже саму себя раздражала.

По лбу покатился пот, а если уж я начну потеть, то надолго. Я потею часами. Намокают не только лоб и подмышки. Потеет шея. Потеет грудь. Потеют икры. Может, у меня и в самом деле жар?

Под столом я сунула в карман старый пластырь, достала новый и налепила его на палец. Я стала вдыхать через нос и медленно выдыхать ртом, как учила доктор Карен Сингх: «Пред-

ставь, что дышишь на свечу, Аза. Пламя подрагивает, но горит. Горит всегда». Я старалась, однако спираль моих мыслей, несмотря ни на что, продолжала сжиматься. Я прямо-таки слышала, как доктор Сингх запрещает мне братья за телефон и читать одно и то же, но я все равно вытащила его и снова уткнулась в статью о микрофлоре.

Спираль такая штука — если двигаться по ней внутрь, она никогда не кончится. Будет сжиматься бесконечно.

Я положила остатки сэндвича в пластиковый пакет на молнии, встала и бросила его в переполненную мусорку. За спиной послышался голос Дейзи.

— Мне сильно волноваться, что ты за день всего два слова произнесла?

— Спираль, — пробормотала я в ответ.

Она понимает — мы дружим с шести лет.

— Ясно. Прости. Давай сегодня зависнем?

Одна девчонка, Молли, подошла к нам, улыбаясь, и сказала:

— Дейзи, к твоему сведению, эта ядовитая газировка тебе рубашку покрасила.

Моя подруга оглядела себя: и в самом деле, на полосатой ткани появились розовые пятна. Дейзи поморщилась, но тут же распрямила спину.

— Так и задумано, Молли. В Париже сейчас все так ходят. — Потом она повернулась ко мне: — Ну вот. Поехали к тебе, будем смотреть «Повстанцев».